

Д.Н. Тананушко

Традиции Византии и процесс формирования политической культуры Древней Руси

Подход к политической культуре как к процессу позволяет выявить особенности передачи явлений политико-культурного свойства от поколения к поколению, механизмы их воспроизводства и интеграции в политический процесс. Этот методологический принцип обеспечивает возможность изучения культурогенеза в рамках межцивилизационного взаимодействия, что для России очень актуально, поскольку политико-культурная динамика России – это «напряженная межцивилизационная и межкультурная динамика, преобразованная во внутренний код культуры, готовый к периодической смене идентичности» [1, с. 20].

Развиваясь во взаимосвязи с политической системой, отечественная политическая культура начала формироваться в Древней Руси в домонгольский период. Важнейшим «инокультурным» фактором стало принятие восточного христианства. Особенность крещения Руси заключается во властном характере его осуществления. Один из основных инструментов этого сложнейшего преобразования – древнерусская книжность, что определяет литературу того периода как фактор формирования основ политической культуры. В рамках процесса принятия православия решающее влияние оказывала Византия. Общеизвестно, что христианизация Руси началась задолго до официально признанной даты – 988 г. Причем А. Шахматов отмечает, что «до Владимира христианство Болгарское оказывало более активное действие на древнюю Русь, чем христианство Византийское» [2, с. 341]. Это связано в первую очередь с распространением письменности и неофициальными, но значимыми контактами с Болгарией в X в. В то же время, с момента «летописной» даты, именно византийское влияние является определяющим в вопросе распространения христианской религии.

Близость территорий, сложившиеся политические и культурные связи, обстоятельства и особенности принятия христианства – это основные условия, определяющие значимость византийских традиций и для процесса формирования политической культуры в Древней Руси. Спор о положительном или отрицательном характере такого влияния идет достаточно давно. Проблема взаимодействия с Византией была поставлена ещё во время христианизации Руси. Она обсуждалась в рамках определения культурной и политической самостоятельности древнерусского государства. Большинство древнерусских мыслителей,

обращаясь к данной теме, вырабатывали достаточно определенную позицию. Признавая огромную роль Византии в укреплении христианской веры, они восхваляли империю эпохи Константина Великого и в большей степени его лично. Выражая восхищение культурой Византии, в том числе и культурой материальной, мыслители Древней Руси тут же переходили к восхвалению Русской земли и в первую очередь указывали на заслуги собственного правителя. «Древнерусская книжность дает немало свидетельств о стремлении утвердить равнозначность князей Киевской Руси с византийскими императорами» [3, с. 35]. Книжники Древней Руси отрицали абсолютный характер византийского влияния, но это отрицание не было радикальным: отношение к империи, её правителям было уважительным и достойным. Такой подход характерен для сильного, самостоятельного в материальном и духовном плане государства.

Самостоятельность Древней Руси в политико-культурном плане во многом связана с независимостью государства в целом. С конца X по начало XII в. древнерусское государство сохраняло за собой статус могущественной державы, которая активно участвовала в международных отношениях. Превратить Русь в зависимую колонию (например, как Болгарию и Сербию) Византия была не в состоянии. Это отчасти было обусловлено внутренней политической ситуацией в самой Византийской империи. В XI–XII вв. первоочередной задачей для империи являлось сохранение сложившейся системы, а не распространение экспансии. По мнению некоторых исследователей, Византии было выгодно положение, при котором Древняя Русь, оставаясь сильным, единым государством, играла роль существенного барьера на пути половецкой угрозы [4, с. 278]. «Не следует забывать, что Византия, в эпоху принятия Русью христианства, находилась в расцвете своего культурного творчества, но скоро после этого она, бесспорно, стала склоняться к упадку» [5, с. 39]. И даже Киевская митрополия, зависевшая от Константинополя, не могла изменить сложившейся ситуации. «Нет и намек на то, что какой-нибудь грек-митрополит (хоть он и является агентом империи) претендовал на заметную политическую роль. Да и претендовать он не мог, ибо ко времени принятия Владимиром христианства русская государственность уже так окрепла и пустила такие глубокие корни, что и речи не могло быть о том, чтобы русский князь добровольно поступился частицей своей власти в пользу

грека-митрополита» [6, с. 62]. Таким образом, древнерусское государство в процессе взаимодействия с Византией сохраняло политическую и определенную культурную независимость.

Помимо религиозных и общекультурных традиций в Византии сложилась вполне устойчивая политическая доктрина. С конца X – начала XI в. её основные идеи начинают проникать в политико-культурное пространство Древней Руси. В первую очередь обратимся к пониманию природы власти и властных отношений. Император в Византии – священная особа, олицетворяющая на земле «царство божие». «Российская политическая культура унаследовала у Византии идею сакральной власти абсолютного монарха. В основу социальной регуляции была положена иерархия, т.е. власть» [7, с. 81]. Византия, сохраняя римскую традицию права, наполняет его собственным содержанием. Византийская законность носит инструментальный характер, она «подчинена задачам и велениям Власти» [8, с. 51]. Такое соотношение монархической власти и законности во многом повлияло и на древнерусское представление.

В Византии на протяжении длительного времени складывался образ идеального правителя, к главным чертам которого относятся: милосердие, благочестие, справедливость, мудрость, мужество и ряд других характеристик. Подобные описания мы находим и в рождающемся образе киевского князя. Но стоит заметить, что многие из них – мужество, справедливость, мудрость – признавались на Руси ещё в дохристианский период; в большей степени это относится к образу «князя-воина», который из языческого времени перешел в христианское. В данном вопросе прямого влияния византийских традиций не усматривается.

Для Византии характерна идеализация именно статуса императора. Божественным признавался сан, а не личность. В Древней Руси акценты расставлены в большей степени на конкретных представителях княжеского рода. Непосредственно связан с этой проблемой и вопрос о передаче властного престола. В древнерусской истории представители единой династии сохраняли в своих руках высшую власть в течение почти восьми столетий: «... все княжества Древней Руси оставались под коллективным суверенитетом одной и той же династии» [4, с. 332]. Для Древней Руси характерен призыв следовать установленному порядку наследия княжеского стола («Пouchение» Владимира Мономаха, «Житие Феодосия Печерского»). В древнерусской литературе провозглашается идея «братолюбия», отказ от насилия и кровопролития, так как, по словам Феодосия Печерского, «междоусобная война бывает от дьявольского совращения» [9, с. 209]. Эта идея была основана на принципах христианской морали и обусловлена собственными государственными интересами. Принцип «братолюбия» форми-

ровался как ценность, обеспечивающая сохранение единой государственной власти.

Древняя Русь была знакома и с византийской «симфонией властей». Но если в Византии проблема взаимоотношений церкви и государства была одной из дискуссионных в политической доктрине, то в Древней Руси ни о каком противоречии, а тем более об открытом конфликте речи не идет. Закрепляется идея, что принятие народом божественной благодати, утверждение христианства осуществлялось через княжескую власть. Именно князь является хранителем правды на земле и проводником божьей воли. Иларион Киевский в «Слове о Законе и Благодати» объясняет это так: «...ибо благочестие его сопряжено было с властью» [10, с. 45].

Таким образом, влияние византийской политической доктрины на формирование политической культуры в Древней Руси отразилось в принятии двух основных положений: идеи божественного происхождения власти монарха и идеи социальной покорности.

Политико-культурная связь прослеживается и в последующем принятии Русью специфической имперской идеи. Также к России от Византии перешла роль буфера и посредника между Востоком и Западом с политико-культурными установками на терпимость и стремление к синтезу достижений Европы и Азии [11, с. 157]. Но исследование рецепции этих традиций выходит за хронологические рамки, заданные темой исследования.

Касательно восточного христианства необходимо сделать вывод о том, что православие определило вектор развития отечественной политической культуры в целом и Древней Руси в частности. «Оно ориентировало человека на духовное преобразование, стимулировало стремление к нравственному самосовершенствованию, приближению к христианским идеалам. Православие подталкивало человека к поиску высших ценностей, правды и справедливости. ... Но при этом православие не создавало стимулов для социального и политического прогресса» [7, с. 98].

Безусловно, культурные контакты с Византией не ограничивались указанными направлениями: религиозной сферой и областью политической теории. Но в рамках заявленной темы именно эти направления являются приоритетными. Традиции Византийской империи, переплетаясь с языческим древнерусским общественным укладом, наложили отпечаток на формирование национальной политической культуры. И всё же не стоит умалять значимость влияния иных культур, а также внутреннего фактора, а именно особенностей социальной и экономической жизни русского народа. Важно учитывать характер преломления «инокультурных» идей, традиций, установок сквозь призму уже существующих традиций и обычаев, общественно-политических ценностей и идеалов. По-

нятие «диалог культур», введенное Ю.М. Лотманом, предполагает активность всех взаимодействующих сторон, наличие дохристианской культуры на Руси, восприятие и переосмысление потока текстов [4, с. 300–301]. Это необходимо учитывать, нисколько не умаляя значимость Византии, вовлекшей древнерусское государство в лоно христианской религии. «Своеобразие и индивидуальное лицо культуры создается

не путем самоограничения и сохранения замкнутости, а путем постоянного и требовательного познания всех богатств, накопленных другими культурами и культурами прошлого» [12, с. 91]. Это высказывание Д.С. Лихачева точно и глубоко передает идею диалога культур как решающего фактора в гармоничном и всестороннем развитии любого государства. Древняя Русь в этом плане не является исключением.

Библиографический список

1. Седых, Н. Динамика политической культуры: социально-философский взгляд / Н. Седых // *Власть*. – 2003. – №7.
2. Левченко, М.В. История русско-византийских отношений / М.В. Левченко. – М., 1956.
3. Горский, В.С. Философские идеи в культуре Киевской Руси. XI – начало XII вв. / В.С. Горский. – Киев, 1988.
4. Литаврин, Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь / Г.Г. Литаврин. – М., 2000.
5. Зеньковский, В.В. История русской философии : в 2 т. / В.В. Зеньковский. – М., 1999. – Т. 1.
6. Будовниц, И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) / И.У. Будовниц. – М., 1960.
7. Притчина, Е.В. Политическая культура в циклах российской модернизации / Е.В. Притчина. – Барнаул, 2001.
8. Яковенко, И. Православие и исторические судьбы России / И. Яковенко // *ОНС*. – 1994. – №2.
9. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. – СПб., 1997.
10. Слово о Законе и Благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. – СПб., 1997.
11. Гудименко, Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох / Д.В. Гудименко // *Полис*. – 1994. – №2.
12. Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура : сб. научн. тр. – Киев, 1991.